

Даниэль Брэйн

СТАРАЯ
ДЕВА

Даниэль Брэнн

Старая дева

<https://litres.ru/74380473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мне двадцать пять, и я старуха. Я списана со счетов — барышня с домашним образованием, коротаю дни в разоренном поместье. Нищета, голодающие крестьяне, развалившийся дом трижды в залоге, младший брат, мот и бабник, тратит последнее на кутежи. Такой, значит, мой второй шанс? Такая жизнь досталась мне после смерти?

Нет. Мне сорок пять, я сильная и независимая, я поднималась и падала, опять поднималась. Плевать, что обо мне подумают, мое имение восстанет из руин.

Наша современница в реалиях условного XIX века. Прогресс, феминизм, политика кнута и пряника, причем пряник жесткий и им при необходимости бьют. Обустройство, быт, предпринимательство, немного вражды с соседями-ретроградами.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	45
Глава 6	55
Г	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Старая дева

Глава 1

Синее море, соленый ветер, белая яхта, нарядные мужчины и женщины, смех, музыка, яркое солнце — не жизнь, а сказка.

Страшная и для взрослых. Детям подобное лучше и не рассказывать, у них должна сохраняться иллюзия счастья, вырастут — сами все в итоге поймут: ожидание и реальность без фильтров и ухищрений.

Море буйное и холодное, ветер сильный и все крепчает, яхте сто лет в обед, спасибо, что не протекает, потому что именинник пожмотился, мужчины наклюкались, женщины сбились в клубки и друг на друга шипят — дружат сегодня против вчерашних подруг. Музыка отвратительная — низкопробнейшая попса, и я, конечно, не могу осуждать тех, кто ее пишет и исполняет, спрос есть спрос, но в нашем обществе можно было бы притвориться, что у нас изысканный вкус? Все же кто тут собрался: продюсеры, композиторы, владельцы концертных залов, блогеры — о, саранча, эти трутся у столов, налегают на разносолы. Пожалуй, одно только солнце меня радовало: во-первых, оно было искренним, во-вторых, так слепило глаза, что очки были не данью моде, а необходимостью.

— К нам приехал, к нам приехал!.. Дормидонт Сизигмундович да-ра-гой!

Только цыганского хора не хватает, Впрочем, он на яхту бы и не влез. Другое удивительно — как при такой сильной качке никто не страдает морской болезнью. То ли потому, что фотограф носится как ужаленный и нельзя уползти в каюту, то ли по причине куда более прозаической: это не первая тусовка на яхте при качке, и все слабаки отвалились еще лет десять назад.

— Вероника Юрьевна, а вы что же не со всеми? Вас укачивает, да? Я Ирэн Адлер.

— Кто? — переспросила я, морщась от воплей, музыки и этой раскрашенной девицы. Помимо очков на мне была и брендовая маска, вот что меня хоть бы спасло от внимания «молодых дарований». Как она здесь оказалась?

— Ирина Орлова, — быстро поправилась девица. Я профессионально вслушивалась в голос и всматривалась в движения. Сколько она заплатила, чтобы попасть на яхту, я даже не спрашиваю кому? И зачем? В лучшем случае это бэквокал. И то за неимением чего-то стоящего. — Мне посоветовали к вам обратиться. Вы же продюсер.

Я вздохнула, сняла очки, и они в такт качке и музыке заболтались на длинной цепочке.

— Хотите, сэкономлю вам время и деньги? — напрямик спросила я. — С вашим голосом поработать, конечно, можно. Практически с нуля. С движениями тоже. Можно даже

написать вам музыку и сносный текст. Но вы в курсе, что певец — это не просто тельце покрашенное с музыкальным образованием, правда? Первое достигается усилиями гримера и костюмера, второе — упорным трудом, а где то, что увлечет вашего слушателя? Повернитесь.

Ирина послушно повернулась. Яхта качалась — ощутимо качалась, волны то и дело плевали на палубу, мы отошли далеко от берега, потому что действовал карантин и мы своими физиономиями без масок нарушали местный закон. Можно было выбрать побережье родины, бесспорно, но это же не роскошно! Патриотично, но не годится для фотографий. А зря.

Где-то все понимают прекрасно, что никому этот кутеж не сдался — никому из нас, но не тем, кто жаждет ухватить в социальных сетях кусочек «красивой жизни». Певцов на яхте сегодня нет, они все работают, репетируют в поте лица, их после добавляют в красивых позах мастера фотошопа. Вот такое бессовестное вранье.

Ирина качнулась вместе с яхтой. Я на всякий случай крепче вцепилась в борт и снова вздохнула.

— Ну, так... Знаете, в чем, как вы говорите, «прикол» шоу «Голос»? — спросила я.

Ирина замотала головой.

— Исполнение, девочка, исполнение. Артистизм. А вы думали, что неверная пара нот и неумение держать микрофон все испортят? Певица это актриса в первую очередь. Вам

должны верить, даже если вы «Сюси-пуси» поете.

А еще лучше — начинать с «Сюси-пуси» в переходе метро. Эта девочка, разумеется, не знает, как это было лет двадцать назад. Петь можно что угодно и как угодно — блатняк, любовную лирику, дурацкий романс, — но люди мимо пройти не должны. Я хотела стать композитором — я им стала, но кому нужна была новая музыка? Никому. А кому нужен был хлеб насущный?

Мне. Из диплома супа не сваришь. И я пела — охрипшим голосом, потому что стоял лютый январь и в переходе, тряся не тающий снег, носился стылый ветер. Я пела, не смущаясь, не пряча глаза, напротив, ловя контакт. Пела чушь — долго мне было стыдно не за мятые купюры в древней отцовской шляпе, а за паршивый репертуар, пока я не осознала: люди выберут сами, какую фигню они хотят слушать. Популярность шансона и любовных страданий не зря в народе так высока.

— Вы же не слышали, как я пою, — Ирина, как мне показалось, удивилась вполне естественно. Я только усмехнулась:

— Сколько у меня успешных проектов? — поинтересовалась я, прищурившись, и сама же ответила: — Восемнадцать. Восемнадцать, это больше, чем у половины присутствующих здесь вместе взятых. На один провал у меня три «звезды», а все потому, что я не трачу свое время. Я не говорю, что вы бесталанны, отнюдь. Но это бизнес, а бизнес должен продавать. Попробуйте искусство, почему нет, например, музы-

кальный театр?

— Вы смеетесь? — обиженно протянула Ирина. Дурочка, я даю тебе бесценный совет, причем совершенно бесплатно.

— Я оцениваю перспективы, — пожала плечами я. — Современный музыкальный проект — год, два, редко пять, пока аудитория в возрасте исполнителя. Впрочем...

И тут мне пришла идея.

— Прочитайте стихи.

Ирина, как мне почудилось, даже приняухалась. Мало ли? Но я нетерпеливо кивнула:

— Прочитайте стихи речитативом, как будто под музыку. Давайте, «Мой дядя самых честных правил...» — ну? Пушкина знаете, я надеюсь? «Евгений Онегин»? Учили в школе?

— Когда не в шутку занемог, он...

— Ну? — подбодрила я. — Рассказывайте про дядю. Побольше выражения дайте.

— Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог. Его пример...

— Хватит, — прервала я, потому что здесь было слишком много любопытных — мне совершенно не нужных — глаз. — Пойдем со мной.

Девочка, конечно, почти никакая. Деревянная, невыразительная, но, наверное, это и требуется. Такой не понятый никем образ: для аудитории девушек в возрасте «teen» восемнадцати-девятнадцати лет. Институт не удался, родители угнетают, работа дно, денег нет, подружки стервы, парни коз-

лы как на подбор. Девчонка никакая, и она будет читать такой же тоскливый серый рэп. Никакой соревновательности и вызова, сплошная боль, безысходность, уныние, тлен. Пару лет с программой она протянет — пока не сменится тренд. Они сейчас быстрые. Рэпу тоже немного осталось, это не музыка, это стендап.

Я тащила Ирину вниз, в каюты, мы прыгали как две мартышки по раскачивающейся палубе, и за нами следили десятки глаз. Кровожадные алчные твари, и я только надеялась, что они ничего не поняли. Нет, моя идея пока останется при мне.

Яхту качнуло еще раз, мы чуть не завалились обе прямо на лесенке.

— Псевдоним будет другой, — быстро говорила я. — К черту пафос, больше привычного. Подумаем. Образование есть? Какое? Где ты живешь? Кредиты, муж, дети, родители? Учеба? Какие-то обязательства?

Не простые вопросы. Певец — это работа. Адская, с раннего утра до поздней ночи, пока есть аудитория, пока аудитории важно то, что мы ей даем, пока она не выросла и ровесница-неформалка не стала ей менее интересна, чем бородастый упитанный конкурент, тягуче поющий о вечном и лживом — о любви к единственной женщине всей его жизни.

Все, что Ирина поняла — она меня чем-то зацепила. Больше ни я не успела ни слова сказать, ни она мне ответить.

Яхту качнуло еще раз — даже тряхнуло, Ирина полетела

куда-то, жутко вопя, я успела схватиться за поручни, и меня оглушил истерический крик с палубы и гул воды. Пол поменялся местами со стенами, все полетело, смешались звон стекла, крики, рев волн, и какой-то до безразличия противный, холодный ужас сковал все мое тело. А потом пол и стены вновь поменялись местами, и прямо в лицо мне ударила удушливая ледяная волна.

Уже было такое — давно, точно так же я потеряла дыхание, когда допелась в конце концов в переходе — и голос мой, и без того не особо сильный, превратился в мой нынешний фирменный, с хрипотцой. Я долго болела, долго молчала, а когда смогла наконец говорить, оборвала себя на полуслове. Ни вдохнуть, ни выдохнуть, и так же страшно: что дальше? Как дальше жить?

И бросок такой же беспощадный и резкий, и в глазах потемнело так же, как двадцать лет назад. Но я выкарабкалась, пересилила, пережила, и слезы мои были горькими, как морская вода, лишь пару ночей.

Мне хватило рассудка не вдыхать и не терять пространственной ориентации. Было больно, но я крепилась, я бросила телефон — все равно ему не выжить, в отличие от меня, пусть идет ко дну, а я поплыву к свету. Даже если яхта перевернулась и тонет, у меня есть шанс, главное — понять, где верх, где низ.

Верх был сверху. Я не гадала, каким чудом так вышло, рванулась туда, где была лестница на палубу, где заканчи-

вался смертельный плен древней яхты с дурацким названием «Эпопея», мне оставались считанные секунды до спасения, и я со всхлипом вырвалась из воды.

— Барышня тонут! Помогите, барышня тонут!

На поверхности я не удержалась, меня снова поволокло вниз, и хотя мне бы стоило бросить силы на борьбу с все-сильной стихией, я позволила себе удивиться: здесь каждый второй кое-как говорит по-русски, но этот некто учил язык по романам Толстого?

Вместо горькой соли во рту был мерзкий вкус тухлятины и сизой тины. Я била руками, какими-то отяжелевшими, слышала крики, чей-то заунывный вой, конское ржание, а потом меня схватили за волосы и выдернули из воды.

Я кашляла и извивалась, легкие жгло, перед глазами стояли пятна. Мне было холодно, я не могла шевелиться, и на мгновение я испугалась по-настоящему — что случилось со мной, как сильно я пострадала? Но потом тело скрутила судорога, меня начало дико рвать противной тухлой жижей, и над головой все слышались чьи-то слезливые причитания.

Наконец я немного пришла в себя. В глазах прояснилось, я смогла сделать вдох почти без боли и без сил перевернулась на спину.

Я окунулась в синее небо. Такое синее, какое я не видела никогда, с четкими белыми пятнами облаков, в вышине парили огромные птицы, а надо мной склонились странно одетые люди, и кто-то из них осторожно, но в то же время

с угрозой спросил:

— Барышня, а кошель-то где? Потонул, барышня?..

Глава 2

— Какой, к черту, кошель?

Голос был словно не мой, но это не удивило. Бывает, что сам себя не узнаешь, хотя... Не настолько? Я на секунду прикрыла глаза и вообще не уловила какой-то — чересчур яркой — реакции людей рядом на произнесенные мной слова. Мой слух резануло все — тональность моего голоса, мои интонации, меня подменили, и никакой водой, ни морской, ни протухшей, не объяснить то, что говорил вместо меня абсолютно другой человек. Я ничего не слышала несколько мгновений, кроме этого нового голоса, напугавшего меня больше, чем конское ржание и странные мужики.

— Барышня, как же деньги?..

— Какие деньги? — выдохнула я. Голос чужой.

— Умом повредилаась. Помилуй нас Препоблагой!

Я села и поджала под себя ноги. Обтянутые серой невзрачной тканью длинной, мокрой, перепачканной юбки. Я обхватила колени руками — чужие колени чужими руками. На мне же был ярко-красный брючный костюм, на запястье — тонкий браслет и смарт-часы. Куда все делось? У меня были ухоженные руки сорокапятилетней женщины — а сейчас молодые, с потрескавшейся кожей. Единственное, что роднило, пожалуй, меня нынешнюю со мной прежней — отсутствие покрытия на ногтях и сами короткие крепкие ногти.

Спросить «вы кто»? Кто я такая? Что происходит и где тот берег, который не нужен был никому, как пелось в забытой песне? Где спасатели, где остатки яхты и те, кто был вместе со мной на борту?

— Пойдем до дому, барышня, — предложил тот самый мужик, который спрашивал про кошелек. — Лошадь-то с коляской того, потонули. Да и Федота, видать, течением унесло. Это же вам свезло, барышня, что вы за корягу зацепились. Вона, — он махнул рукой в сторону неширокой, но быстрой и грязной реки, — мост-то снесло! А надо же было чинить, а нечем!

— Нечем — что? — растерянно спросила я.

— Мост чинить! — терпеливо, как дурочке, объяснил мужик. — Я еще после разлива весной говорил — не простоят мост, вот и не простоял. Так вон... вы деньги-то везли, я уже так и думал: как барышня деньги-то привезут, надо мост сразу делать! А теперь как же совсем без моста?..

Он волновался. Мост его тревожил гораздо сильнее, чем некая барышня, которая чуть не отдала богу душу. Я всмотрелась — насколько я поняла, вся хлипкая деревянная конструкция моста не только порушилась, но и прогнила насквозь. Из воды торчали балки, свисали сверху темные сложенные доски.

— Или того, не было денег, барышня? — допрашивал меня мужик, но не забывал и бережно поднимать, и жестами требовать у собравшихся какие-то тряпки, чтобы меня уку-

тать. Я не сопротивлялась. — Али не перезаложили имение? Да было бы что перезакладывать-то...

Я тряхнула головой и опять начала кашлять. Лошадиное ржание раздалось совсем близко, мужик повел — потащил — меня к телеге, от которой умиротворяюще пахло скошенной травой.

— Староста! — окликнул его кто-то. — Может, кошель-то в реке поискать? А? Даст барышня грошей тому, кто найдет?

Староста обернулся ко мне. Был он еще не стар — лет сорока, бородатый, какой-то основательный. Взгляд его стал вопрошающим.

— Да, — кивнула я, не особо вникая в сложившуюся ситуацию. — Да, конечно. Кто найдет кошель, того я отблагодарю.

Меня усадили в телегу, укутали, хотя день был теплый. Ни дуновения ветерка и солнце пекло — наверное, стоял полдень. Все вокруг начало расплываться, и я сказала себе: слезы — нормальная реакция на стресс.

— Ничего, ничего, барышня, — пробормотал староста, усаживаясь со мной рядом. — Вона, мы с мужиками на пашне были, слышали, прибежали. А прочее образуется. Даст Премудрейший, и эту зиму переживем.

Что?.. Я спрятала лицо в сгибе локтя. Какая зима, зима давно кончилась! О чем он и почему столько обреченности в его голосе?

Мы ехали вдоль полей. Я подняла наконец голову, смотрела по сторонам. Нежная листва — свежая, яркая, трава пробивается, сухая земля. По полю ползет чахлая лошаденка, а рядом с ней впряглись в плуг два мужика... Река, мой Рубикон, бежит справа, и в ней возятся со стиркой какие-то бабы. Бежит мальчишка с узелком в руке.

Я не понимала. Что это такое? Галлюцинации? Предсмертный бред? Почему такой явный, с голосами и запахами? Почему он такой логичный? Кто эти люди рядом со мной?

Я повернулась к старосте. У мужика, который правил лошадью, я все равно могла рассмотреть только сгорбленную усталую спину.

Староста понял меня по-своему, быстро забормотал:

— Брешка, барышня, речка быстрая, да там излучина вниз по течению, ежели кто тонет, в ней сразу находится. Главное, чтобы в омут не унесло, тогда пиши пропало... И Федота найдем, даст Преблагой, и коляску, и лошадь, может, и выбралась, — оптимистично утешал меня он. — Все ж таки лошадь-то графская, за лошадь я отвечаю. И кошель отыщут. Али не было денег? Не дали?

«Не знаю», — хотела сказать я, но ответила:

— Я не помню.

Меня начинало знобить, несмотря на всю оказанную мне заботу. Я понимала — не от холода, от нервного потрясения. Что я такое?

Телега поднялась на пригорок, и я увидела впереди белый дом.

Громкое слово, почти как символ. Вокруг дома — редкий и запустелый сад, по двору ходят куры, отыскивая зерно... или что клюют куры? Все, что найдут? Дорога ухабистая, телега крепкая... Мысли скакали, я не могла сосредоточиться. И чем ближе мы подъезжали, тем сильнее я хмурилась. Вот этот дом... Случись мне увидеть его... раньше? Прежде? В той жизни? Как назвать то, что я только что безвозвратно потеряла? Я поостереглась бы заглядывать в эти развалины. Видно, как покосилась крыша, как стены опасно ползут трещинами, местами выбиты стекла и забиты деревянными досками. Куда меня везут изачем?

— Ничего, барышня, сейчас найдем чем печь протопить, Авдотья вас обмоет, переоденет. А может, баньку?

Я услышала знакомое слово. Настолько мне близкое, понятное и родное, что дернулась и вцепилась в руку старосты:

— Да!

— Кузьма? — громко крикнул староста — видимо, возница наш был глуховат. — Слышал? Барышня баньку изволят!

Барышня изволят доктора. Психиатра. Ох, как он мне не один раз уже помогал — и с депрессиями, и с паническими атаками. Прежде чем я окончательно встала на ноги, прежде чем смогла позволить себе ошибаться, сколько раз я была на грани отчаяния? Бессонница, постоянный упадок сил, про-

валы в памяти, беспричинные слезы. Но я же справилась, я же смогла. Я выстояла. Мне было сложно, на мне висели кредиты, моя квартира была в залоге и жрать мне было дома почти и нечего, а костюм мой стоил как три зарплаты офисного работника средней руки... Я выглядела как миллионерша, а худа от недоедания была настолько, что вслед шипели от зависти все женщины, кто меня видел. И так бесконечные десять лет, пока имя Вероники Маркеловой не стало ведущим брендом. Зажигающая звезды — так мне льстила отечественная журналистика. В Европе меня, впрочем, не знали — я не зарилась на мировой масштаб.

Как меня теперь зовут? Кто я такая?

Мне снова предстоит пройти этот путь — с нуля до самого верха? Я выстою? Я смогу? У меня, возможно, есть выбор. Совершенно точно здесь нет войны, крестьяне настроены не агрессивно, обращаются со мной если не с уважением, то с почтением, больше того — они мне служат. Эти земли как-то обрабатываются, дом... дом в залоге или же нет, у кого бы это узнать, но есть ли разница? Для меня есть ли разница здесь и сейчас?

Если бы мне предложили купить такую развалину за бесценок, я триста раз подумала бы. Иногда, и я не знала тому причины, подобным строениям давали статус «памятника архитектуры», и мне всегда хотелось поймать хоть кого-то разбирающегося и спросить, что выдающегося в обычной усадьбе? Ее построили без единого гвоздя двенадцать

девственниц из самана, замешанного на крови единорога? Этих «памятников» торчало по всему Подмоскovie сотни, и никого, кроме фотографов-экстремалов, они не привлекали. Они рассыпались в прах, напоминая, что нет ничего вечного — ни камня, ни ценности...

Прямо на моих глазах из ступеньки крыльца вывалился кусок, хотя никто и ногой туда не ступил. Староста вывел меня из телеги, предварительно раскутав, а потом, не успевая зайти на порог, на меня налетела пчелой полная женщина лет сорока. Сорока? Пятидесяти? Тридцати? У мужчин еще можно было как-то определить возраст, женщины же здесь — к нам вышли еще две — являлись какими-то тенями. Платки, бесформенная одежда и настолько измученные, обреченные лица, что от них хотелось сбежать. Или закрыть глаза, чтобы не видеть во взглядах этих несчастных нечто, что я затруднялась определить. Тоска? Смирение? Злоба? Или все сразу?

И я закрыла глаза, потому что мне некуда было деваться от взглядов вроде бы забито-запуганных, подчиненных, но в то же время звериных — да, так, возможно, смотрит на охотника раненый, беспомощный, но еще очень опасный дикий зверь. Что я им сделала и что они сделают мне в ответ?

Женщина оказалась сильной. Если староста касался меня с опаской, то она волокла как мешок и что-то жужжала. Сравнение с пчелой было таким метким, что я засмеялась.

— Барышне доктор нужен, — услышала я обеспокоенный

голос старосты. — Видать, зашибло ее или воды нахлебалась.

— Какой воды, Лука, — рявкнула женщина неприятным каркающим голосом. Прокуренным, подумала я, но табаком от нее не пахло. — Чего она мокрая-то? Или сам чего нахлебался? А еще староста!

— Так мост размыло, — ответил староста, не обратив на противоречие в словах женщины никакого внимания. — Барышня в Брешку упали, а Федота не нашли пока.

Если бы у меня было совсем мало сил, я бы не устояла на ногах, потому что женщина разжала руки, картинно вскрикнула, а потом заголосила мне прямо в ухо:

— Премудрейший! Да как же это? Ой, беда, беда, а кошель-то, кошель! У кого кошель был? Ой, беда, ой, прогневали! А то же надо было ее в лес, говорила бабка Моревна — проклятая она, в лес ее! Так не слушали же Моревну, ведьмой кликали, дом пожгли, золотой водой угли окропили! Гнилой девке место в гнилье, вот и гибнем!

— Да ты черная! — завопил староста и даже отшатнулся от нас, в совершенно непритворном ужасе замахал руками. Я ничего не понимала и потому пока не вмешивалась. — Ведьмины речи супротив воли Премудрейшего ставить? Отца-наместника хулить?

— Да в лес ее надо было свезти, как двадцать годков стукнуло, а барин покойный все ждал, вот на нас напасти и случились! — еще громче заверещала женщина. Что показательно — она не шарахнулась от меня, не ударила, вообще никак

не выказала свое ко мне отношение, и я решила, что, возможно, это не касается меня, но, чтобы прекратить это адское шапито, развернулась и коротко, но очень сильно дала ей пощечину.

— Спаси нас, — почему-то пробормотал староста, а женщина заткнулась, только во взгляде стало еще больше страха и ненависти, а на щеке проступало красное пятно. Я подняла голову.

Пыльный зал. Когда-то роскошный, бесспорно, но это «когда-то» миновало лет сорок назад. Или меньше, если здесь было то, что могло так расшатать крепкое с виду здание изнутри. По стенам шли трещины, заткнутые соломой, все кругом покрывала пыль, мебель старая, в странных пятнах, нечищенный пол усыпан каменной крошкой. Но чем больше я смотрела, тем яснее понимала — нет, все не так и дом жилой. Просто, видимо, как ни трудись, наметает и пыль, и крошку, и мебель не оттереть, и подсвечники заплыли черным воском, и запах безысходности — она пахнет, оказывается! — висел удушливо и неистребимо.

— Авдотья, — назвала я единственное женское имя, которое успела здесь услышать. Но ответила мне не злобная женщина.

— Я, барышня, — робко, прячась за спиной молчаливо стоявшего старосты, отозвалась молодая женщина. По голосу молодая. — Изволите чего?

— Да. Баню, — приказала я. — И ты, Лука... — я обер-

нулась к старосте, тот поклонился с каменным лицом. — Не уходи, попарюсь, после поговорим с тобой.

Я против воли переняла местную речь. Правильно я сделала или нет, покажет время, пока же мне стоило развернуться и уйти к себе, подождать, пока я смогу открыть портал, который свяжет два мира, мой и этот, — баню, — и там, в привычном, знакомом пару, возможно, если мне повезет, еще и запахе березы и можжевельника, я немного приведу свои мысли в порядок.

— Вон пошли, — бросила я. Я хозяйка, могу пойти куда мне заблагорассудится. За мной никто не должен следить, потому что я пока что бреду на ощупь, любое неверное движение, неправильный жест, неосторожно оброненное слово, и пусть не в лес, но в речку за милую душу отправят с камнем на шею. За этой женщиной — поминавшей ведьму — нужен глаз да глаз, и чем она так испугала старосту, и что за ведьма, о которой она говорила, почему я проклята и, черт возьми, кем? Здесь это такие же байки, какие были у нас, или нечто материальное?

И, конечно, был еще кошель. Деньги, которые я должна была получить за заклад дома. Получила или нет, утонули они или нет, отыщут их или нет — судьба их оставалась неясной.

Как и моя.

Глава 3

Меня оставили одну. Мокрую, грязную, но, к счастью, не дрожащую от холода. Тепло, градусов двадцать пять, если не больше, солнце в самом зените, ветра нет. Здесь приятный климат... по крайней мере, сейчас. А зима, вспомнила я, Лука говорил что-то про зиму и был обеспокоен не на шутку. Итак?..

Я не торопясь пошла по комнатам. Барский дом — в этом сомнений у меня уже не было — некогда даже роскошный. Следы бывшего богатства встречались на каждом шагу: шпалеры, отвалившиеся, покрытые местами плесенью; истертые ковровые дорожки; картины — портреты вельможных предков; мебель, с которой смахивали паутину, но паук упрямо плел свои сети, зная, что пришло его время, пришла его власть... В одной паутине запуталась обреченная муха, и я задержалась взглянуть, что с ней будет дальше. Сожрут, что еще, так бывает всегда, проявишь неосторожность, увязнешь — тебе конец.

А я? Что ждет меня?

Анфилада комнат. Светлая, припыленная. Здесь убирались, но бывает и так — сколько ни пытайся вывести нищету, сколько ни выметай пыль, ни мой окна, она неистребима. Я видела такие квартиры, когда присматривала жилье. Почему-то душа моя к современным высоткам никогда не ле-

жала, я хотела старую девятиэтажку, напоминающую о детстве, когда липы гибкими ветками тычутся в бурю в окно и птицы заходятся пением по весне. Я искала что-то уютное и обжитое, искала долго, но продавали в основном квартиры ушедших бабушек и стариков, и я качала головой: не выйдет, здесь все сносить, кроме несущих стен, иначе тлен проникнет и ко мне, он выиграет любую битву. Специфический запах старости, особая пыль — не та, которая городская, та, которая берется откуда-то изнутри...

Я толкнула прикрытую дверь и оказалась в чьей-то спальне. Все, что я увидела здесь, я видела уже и в музеях — квартирах, принадлежавших известным людям. Узкая кровать, покрытая пожелтевшими кружевами, стопка комковатых подушек и снова желтые кружева, трюмо, письменный стол — бюро, диванчик... Окно было закрыто, занавески отдернуты, и на полу, рассекая пространство, от стены до стены разлегся широкий солнечный луч.

Пахло сладко, чем-то похоже на ладан.

— Барышня? — услышала я за спиной и обернулась. Авдотья. — Барышня, баньку сейчас натопят, позвольте, я раздеться вам помогу?

— Не боишься? — спросила я. — Говорят, что я проклята.

Но я печально улыбалась, словно шутила. С чего-то, с какой-то информации, мне нужно было начать. Авдотья махнула рукой на мое замечание, а я рассматривала ее. Кра-

сивая, что называется, «кровь с молоком», золотая коса обернута вокруг головы, платок повязан немного небрежно. Очень по-хозяйски она повернула меня к себе спиной и начала расшнуровывать платье.

— Вот Лука скажет отцу Петру, — сурово напроорочила Авдотья, — он Татьяне покаяние назначит. А не скажет Лука, так я скажу. Будет поклоны бить и три месяца две десятины в храм носить, в следующий раз умнее будет. И ведьм поминать под ликом Преподобного не будет. Вы на нее не гневайтесь, барышня, она всегда такая была. То травки кому подмешает, то соли насыпет, а когда муж ее с рекрутов не пришел, так она у бабки этой, Моревны, снадобье колдовское просила. — Я ойкнула: где-то платье мне закрепили булавкой, и сейчас Авдотья меня неосторожно кольнула. — Я вам так скажу: истребили ведьму, и то дело.

Этой спокойной, рассудительной речью Авдотья не ответила на мой вопрос.

— А мне-то что делать, милая?

— А что делать, барышня? — ласково переспросила она и начала стягивать платье с моих плеч.

Я отметила, что я счастливица. Все-таки легкое деревенское женское платье — не то, что я могла бы носить, свежи мне чуть меньше: рубаха, еще одна, корсет, три юбки, куртка, неудобные чулки — такие исторические костюмы, «точная реконструкция, поэтому так дорого, ручная работа!», я видела на съемках клипов. И обувь у меня мягкая. Какой

это век? Начало девятнадцатого, если примерить этот мир на нашу историю?

— Что делать, барышня... — прямо на ухо прошептала мне красавица Авдотья. — Век одной вековать — хорошего мало, но уж лучше, чем как Степанида...

Что-то в ее голосе мне не понравилось. Я не видела ее лицо, но боль — настоящую, терзающую, уловила.

— А что Степанида?

— Да полно же, барышня, — Авдотья ловко стащила с меня платье целиком и легко меня подтолкнула — мол, ступи шаг вперед. — Лежит, я к ней вчера заглянула. Доктора бы, да где его взять, доктор денег потребует...

— Что с ней? — я обернулась. И что-то я сделала или сказала не так, потому что Авдотья, уже поднявшая платье, шарахнулась от меня так же, как совсем недавно — староста Лука от бушевавшей Татьяны. — Она больна?

— Боюсь я за нее, барышня, — негромко ответила Авдотья и вдруг, уронив платье на пол, разрыдалась, закрыв лицо руками. В следующий миг она неуловимо дернулась к двери, но я оказалась проворнее и схватила ее за рукав.

— Ну-ка? — потребовала я, пытаюсь развернуть ее лицом к себе. Авдотья мотала головой, вырывалась, но не сильно. Я заметила у нее синяк на руке чуть выше локтя. — А это еще откуда и что?

Наша борьба продолжалась какое-то время, я пыталась если не успокоить ее, так узнать, из-за чего она так безнадежно

рыдает и откуда у нее на руке ссадина, как в дверь постучали.

— Да-да, — рассеянно откликнулась я, а Авдотья, охнув, резко утерла слезы и кинулась к шкафу, вытащила оттуда длинный мягкий халат. — Нет, стой. Расскажи сначала, почему ты так плачешь.

К чему я привыкла: только спроси, услышишь жизнь от рождения до нынешнего момента. Отыскалась жилетка для фальшивых слез. Авдотья же сначала решительно принялась меня облачать в халат, а потом усадила и начала распутывать волосы.

— Прибьет он ее, барышня, — наконец сказала она. — Прибьет, вот как света мне не взвидеть.

— Кто?

— Известно кто, барышня, Егор, муж. То я и говорю, что лучше как вы вековать, чем вот так-то... Как она в прошлом году понесла, тогда еще братец ваш, барин, приехали, а Егор-то ее избил...

Я повернулась, и даже то, что у меня был какой-то брат, и то, что Авдотья неосторожно дернула меня за волосы, проигнорировала совершенно.

— Тебя он тоже бил? Говори!

Неизвестно, говорила ли я прежняя когда-нибудь с ней на эту тему, но сейчас Авдотья вдруг решилась быть откровенной.

— Это когда я ее третьего дня в барском доме спрятала. Ой, вы только за то на меня не серчайте, барышня...

В дверь опять постучали. Я отмахнулась.

— И что?

— Егор за ней пришел, а Кузьма — он хоть глухой, а когда идешь, как чувствует, — его оглоблей взашей прогнал. Ну, Кузьма-то силен, барышня, против него какой мужик пойти решится? А я, а что я, Егор меня подловил, да я вырвалась. А Степанида полежала да домой пошла, глупая: как он там без меня, кто же его накормит да приголубит... Да я бы его той оглоблей так приголубила!

Я остановила ее руку, потому что замахнулась Авдотья гребнем прямо на меня. Она пискнула, а я забрала у нее гребень и приказала:

— Возьми Кузьму и иди за Степанидой. Скажешь — барышня велела ей в дом явиться. И совсем, чтобы к мужу она не возвращалась. Приведете ее, устройте тут, я вечером к ней зайду.

— А десятина как же, барышня?

— Какая десятина? — вырвалось у меня, но я быстро поправилась: — Не твоего ума сюда лезть. Делай, что я велю.

Авдотья подлетела к двери, за ней, что ожидаемо, переминался с ноги на ногу староста.

— А Кузьма где, дядя Лука? — крикнула ему Авдотья и убежала, не дожидаясь ответа.

— Банька готова, барышня, — с поклоном сказал староста, а я указала ему жестом пройти в комнату и встать. Только потом я подумала, что, может, ему вообще не место было

в господской спальне, но какая, ко всем чертям, разница? — Али еще вам чего? Дак только скажите, а Федота так пока и не нашли...

— Почему у тебя, староста, женщин бьют? — прошипела я. Заботливый Лука должен был смотреть не только за барской коляской и чужой лошадыю. — Степанида лежит который день, так еще и Авдотью побили?..

И вот тут Лука сделал то, что я никак от него не ожидала.

— Помилуйте, матушка-барышня! — заголосил он, валясь мне в ноги и хватаясь за голову. Я испугалась, что на его ор сбежится не то что весь дом, но и вся деревня разом. — Я-то знаю, что каждая душа у вас наперечет, недоглядел, недосмотрел! Так мы люди подневольные, да и мало нас, то вспаши, то засеи, а что Егор бесчинствует, так то воля ваша, плетей ему сыпать или уряднику сказать, как он за рекрутами явится, только вот батюшка ваш последнего отдал в солдаты — и все, нельзя больше, нас всего-то четырнадцать, а мужиков и того пять, но коли желаете — так продайте! Продайте его, матушка-барышня, век будем за вас Премудрейшему поклоны бить!

Что?.. Я облизала губы, мало что поняв из его полуплача-полукрика. Продать... так они... мои крепостные? О господи, нет-нет-нет...

Эта новость меня шарахнула словно взрывной волной. У меня и детей не было, избегала ответственности, она была не по мне, мне хватало моей работы. И вот сейчас у меня...

четырнадцать... душ?..

— Стой, не вопи, — отмерла я. Удивительно, но Лука послушался и орать тотчас же перестал. — Правильно ли я тебя поняла, что в солдаты Егора не заберут, потому что... потому что вас... у меня слишком мало, всего пятеро, — Лука кивнул, — но я могу про... продать...

— Императору-батюшке, — снова кивнул Лука. Казалось, он очень обрадовался такому решению, но радость стремилась скрыть. — Только надо в город уряднику сообщить. Так-то Егора в рекруты всегда заберут, мужик он здоровый. Буйный только. Никакого сладу с ним нет, одного Кузьму и боится. И, барышня, — добавил он деловито, — вы за Егора еще и денег получите. Нам-то они ой как нужны.

Да, подумала я, деньги нужны... На что только, знать бы, но дом делать — в последнюю очередь. Не валится крыша на голову, уже хорошо.

Но у меня нет рабочих рук? Всего четырнадцать душ, из которых я видела пока что Татьяну, Авдотью, оставшуюся безымянной женщину, плюс несчастная Степанида, сам Лука, Кузьма и Егор. Возможно, пропавший Федот тоже мой... крепостной. Ужасное слово. Семь — восемь — человек, и такие огромные угодья. Даже в современном фермерском хозяйстве не хватит рабочей силы на обработку такого количества земли, а здесь? Ни техники, ни технологий. Но я же видела мужиков там, на поле?

— После баньки чаю со мной попьешь, — велела я, при-

казав себе остановиться и не паниковать, пока все не выясню. — А сейчас отправь к уряднику с письмом кого-нибудь. — Староста, наверное, грамотен? — Только не Кузьму, он мне здесь нужен. — Это просто на всякий случай. — А потом мы с тобой про имение поговорим. Ну, иди.

Лука ушел, а я направилась в баньку. Увидела я ее сразу — невысокое строенье, возле него стоит крупная баба, из трубы идет дым. И отчего-то мне сделалось хорошо: настоящая русская баня — да, здесь явно не Российская империя, что-то отличается, пока не пойму что, здесь вообще какой-то родственник нашему, но иной, непонятный мир, — но баня и в моем прежнем времени, подлинная баня, была редкостью.

Конечно, я допускала, что будут отличия, они и были. Например, в баньке не было полок и парились стоя. Не было и веников — зато имелись огромные травяные мочалки, и ими меня баба, звали ее Анна, терла и слегка лупила. Пар клубился под потолком, и топились банька не совсем привычным образом: в двух котлах кипела вода, а волосы мои Анна промывала чем-то похожим на мыльный корень, а не золой, как я ожидала. Меня мучили загадки и тайны, которые ни для кого загадками не были, и спросить у Анны я ничего не могла: что-то мне в ней не нравилось. И только когда она, не выдержав, сняла платок и я в пару разглядела черты ее лица, я догадалась, что она очень похожа на ненавидящую меня Татьяну — возможно, сестра или иная родственница.

Неизвестно, что обо мне подумали люди... слуги... крепостные. Эта мысль вообще не укладывалась у меня в голове. Вот барышня откуда-то вернулась, перезаложила дом или не перезаложила дом, чуть не погибла и в бане парится, и делами занялась. Может, прежняя я и была такой деятельной?

Я даже не знаю, как меня зовут!

Я вернулась в дом, позвала Авдотью, но никто не откликнулся. Я пожала плечами — это нормально, возможно? Имени немаленькое, людей практически нет... Разошлись по делам? Но у меня не было никаких возражений против того, чтобы одеться самостоятельно и заплести волосы в косу. Сложностей не возникнет, одежда простая.

Я и в самом деле быстро управилась, выбрав светлое скромное платье с крупными деревянными пуговицами спереди. Посмотрелась в зеркало — да, я теперь молодая. Со всем девчонка с высоты уже прожитых мной лет, взгляд ясный, а опыт... опыт мой. Мечта вот так переродиться в юном теле, имея огромный багаж знаний и навыков за плечами, только чем он поможет мне здесь, мой багаж предпринимателя, антрепренера, продюсера, музыканта? Я даже не знаю, какой стороной корова ест...

Потом в окно я увидела Луку — он быстро шел к дому, помахивая какой-то запиской, вид у него был озабоченный. Я хотела сперва быстро просмотреть, что есть у меня в комнате из документов, но выражение лица Луки меня насторожило, как будто он не нес мне никаких хороших новостей,

поэтому, открыв ящик письменного стола — бюро — и увидев там какие-то бумаги и письма, я схватила их в охапку и выбежала из комнаты.

— Ой, беда-то какая! — услышала я далекий женский вскрик и обреченно закрыла лицо рукой.

Глава 4

При виде меня склонились в неглубоком поклоне все трое — Лука, Авдотья и незнакомая мне женщина, чью красоту не портили даже отвратительный синяк на скуле и не заживший до конца шрам над бровью. Степанида, поняла я и жестом указала ей сесть.

— Не смею, барышня, — прошептала Степанида и низко опустила голову.

— Сядь, я сказала! — повысила голос я. — Что случилось, Лука?

Я полагала, что все дело в записке или, может быть, в Степаниде и ее неуправляемом муже, но я ошиблась.

— Федота нашли, барышня, — торопливо отчитался староста, — воды нахлебался, но свезло, бабы графские подобрали и к графу в усадьбу и отвезли. Так и выловили, едва его течением унесло. В рубашке родился, как раз белье графский приказчик забирать приехал...

— Дело говори, — прервала я словоохотливого старосту. Я все еще связывала охи-ахи с запиской, но сейчас заблаговременно добавила и проблемы с графом, возможно, соседом. — Что кошель, что лошадь?

— Ох, лошадь, барышня, тоже нашли, мы теперь за нее его сиятельству денег должны.

Я еле заметно покачала головой. Ничего, справимся.

— Там... ведьмина метка, барышня. Не к добру Татьяна проклятую-то помянула. Ох, не к добру. Я уже и Кузьме велел найти ее, черную, но, видать, сбежала, знать бы куда.

Кто сбежал? Наверное, я должна бы понять, о чем твердит Лука, но складывалось с трудом. «Да ты черная!» — крикнул он тогда Татьяне, стало быть, сбежала она? Моя крепостная? Однако. По истории нашего мира я представляла, на какие казни в случае поимки подписывалась беглянка, но здесь, возможно, многое было не так. И про кошель староста молчит, значит...

Я хотела было сесть сперва рядом со Степанидой, но вспомнив, как крестьяне реагировали на близкий со мной физический контакт, передумала и села в приличное с виду кресло, положив бумаги на стол. Глаза Авдотьи расширились, а я обнаружила, что мне прямо в бедро впилась пружина, но я стерпела.

— Что за метка? — спросила я.

— Дурная, барышня, — тихо откликнулся Лука. — Неспроста вы с моста-то упали. Ведьма то крутит, ведьма. Ох, помилуй нас Препоблагой и дай сил.

В своей жизни я встречала немало страхов. Людей, боящихся высоты, людей, дрожащих на трапе самолета, людей, сворачивающих с дороги при виде безобидного черного кота. И эти страхи преодолевались. Кто покупал квартиру на шестнадцатом этаже, кто летал каждый месяц, кто полагал, что кот, перебежавший дорогу машине, несчастья не прине-

сет. Но сейчас в глазах Луки я видела такой неподдельный ужас, что мне стало ясно: это не байка, не примета, не пред-
рассудок. Реальность, с которой им — и мне теперь — при-
ходится существовать.

— Разве ее не убили? — выдавила я. — А золотая вода?..

— Кто же барского-то человека убьет, барышня? — рас-
судительно удивился Лука. Да, я сморозила глупость, мне
стоит быть осмотрительней и осторожней. — А золотую во-
ду отец-наместник на месте дома разлил, так ведьмина сила
ушла, как Премудрейшим заповедано, да, видно, не до кон-
ца. Вы же знаете, корни ведьмины в доме пущены...

— Или где ее мать родила нам на погибель, — перебила
его Авдотья, и Лука кивнул. — Кабы знать, барышня, где
ведьма первый крик издала, да полить то место золотой во-
дой, так и силы проклятой больше не будет. Так они, окаян-
ные, и уходят в леса от бремени разрешаться. Отец мой ве-
дал, как места те искать...

— Жаль Ивана, — добавил Лука, — вот кто знахарь был,
вот кто силу имел от Преблагого. Так что же, ни батюшку-ба-
рина от хвори не спас, да и сам сгорел аки свечка.

Я задумалась. Крестьяне, излив мне свои опасения, за-
молчали, только Степанида вздыхала так тяжело, что у меня
сердце екало. Авдотья подошла к ней, опустила на колени,
и Степанида погладила ее по голове.

— Не тужи, сестра, — проговорила Авдотья, — матуш-
ка-барышня тебя в обиду не даст.

Степанида подняла голову, и мне показалось, что не слишком она довольна моим решением.

— Кошель? — напомнила я.

— Как в воду канул, барышня, а может, и впрямь канул, — покачал головой Лука. — Ведьму искать надо, бродит она в лесу, и Татьяну черную искать. Их это рук дело, и чует сердце, на этом они не остановятся. Мужики-то графские все речку баламутят, найдут если кошель, хоть надежды на то и мало, так принесут, а нет — так... Иван бы нашел.

— Батюшка научил меня, — сказала вдруг Степанида. — Только надо луны дожждаться.

Авдотья испуганно вскрикнула и прикрыла рот рукой, я же вопросительно взглянула на Луку.

— То, баба дурная, — буркнул он, отстранившись от обнявшихся сестер. — Кто ночью на реку ходит, да еще под луну? Самое клятое время.

— Я не боюсь, — Степанида смотрела теперь на меня. Глаза у нее были огромные, темные, я бы сказала — ведьминские. Существует разница между ведьмой и знахаркой? Наверное, да, раз Лука назвал дар Ивана сродни божественному. — Только, барышня, не велите мне вам прислуживать, — попросила Степанида. — Не держите меня в доме, пустите. Я жена мужняя, а так-то как солдатка буду...

— То, баба дурная! — повторил Лука громче и намного сердитее. — Что думаешь, барышня тебе зла желает? Тебе работать надо, а ты ходишь еле! А ну Егор тебя до смерти

прибьет?

У Луки были свои понятия о благе для крепостного крестьянина. Авдотья поднялась, но от сестры не отошла, и когда я поймала ее взгляд, она едва заметно помотала головой: нет, барышня, не слушайте ее. Я и не собиралась.

— Что за записка у тебя в руке, Лука?

— Так то от графа, — вспомнил он и передал мне записку.

— Сорок грошей за пахоту.

— Я должна ему сорок грошей? — не поняла я, но ровные, словно каллиграфией выписанные три строчки, прочитала. Все так, как сказал Лука. И что меня не то чтобы удивило, больше позабавило: не похожие ни на кириллицу, ни на латиницу, да и вообще ни на один виденный мной алфавит буквы я влегкую разобрала, словно с детства свободно на этом языке читала.

— Он должен, барышня. Его люди поле-то наше боронят, — терпеливо пояснил Лука, — а вон еще полосу взяли. А что делать? Отдали, сами как-нибудь с нашими-то двумя полосами проживем. Нам много не надо... У графа люди-то все пришлые, своих-то у него один Епифан, а денег много... Только, барышня, еще за лошадь расчет нужен. Лошадь-то наш Федот загубил.

Я вскинула голову:

— Какая... — и вовремя проглотила совершенно неуместное в этом мире «к черту», — ...лошадь, Лука, пусть вышлет немедля мне сорок монет, вот прямо сейчас поезжай

за ними, а потом доктора привези. А лошадь, — я усмехнулась, найдя вдруг решение, — как ведьм изловим, там видно будет, кто ее загубил. Сколько она стоит?

— Шестьдесят грошей, барышня. Но, может, меньше. Лошаденка-то лядашая, что бы там графский приказчик ни говорил.

— А Татьяна и ведьма? Какова их цена?

Лука ахнул. Бедняга, посочувствовала ему я, сколько на тебя потрясений свалилось. Выражение его лица менялось молниеносно — изумление, испуг, восхищение. Он даже довольно прищелкнул языком.

— Ох, барышня-матушка, ох, умна! — выдохнул он и опять пораженно цокнул. — Да много-то за них не дадут, но бабы рабочие. Грошей сорок... за обеих, а можно и поторговаться. Это что же, вы думаете ведьму да черную изловить да и отдать их обеих, повинных, в обмен на лошадь?

— Думаю, — даже не скрывая довольства, ответила я.

Гордилась ли я собой? Да, разумеется. Какие-то три-четыре часа я здесь, под этим синим сказочным небом, в мире, где ведьма и ее сила — реальность, где я — хозяйка четырнадцати неприкаянных душ и разоренного имения, но! Я уже нашла выход из сложившейся ситуации. И легко, как будто речь шла о чем-то для меня привычном и обыденном, решила продать человека. Двух человек. Как вещи. Чем это мне объяснить? Возможно, мышлением, очень быстро перестраивающимся под новые для него реалии. Возможно, остат-

ками «памяти» барышни, безымянной для меня, проклятой для черной Татьяны и безраздельной хозяйки их судеб для всех остальных.

Будет отлично, мрачно подумала я, если память моего нового тела ограничится знанием языка и грамоты и некими социальными допущениями, как-то: продать ненужную вещь, если она не нужна, мешает или опасна для меня и всех остальных, нормально, даже если эта вещь — человек. В такой ситуации мне может помешать мой просвещенный гуманизм.

— Ваше дело — изловить их. — Я поднялась. — Авдотья, отведи Степаниду в комнату и смотри, чтобы она не сбежала. Лука доктора привезет. Лука?

Тот с готовностью подошел ближе. Может быть, за какие-то провинности, которые я таковыми отчего-то не сочла, он ждал порки, но обошлось.

— Сядь, расскажи, что с именем. Только подробно и без лирических отступлений.

Лука захлопал глазами.

— Подробно, но коротко, — поправилась я, в очередной раз обругав себя за речь.

— А что, барышня? — Лука был сбит с толку. — Дак все как было, так и есть. Ничего же не изменилось. Земли есть, сеять нечем. Вона, две полосы засеяли, на что грошей хватило, а взойдут али нет — одному Преблагому ведомо. Все же прочее графу отдали, и поле, и выпасы. Одна лошадь, и

та старая. Корова вон у меня — так и та молока дает только на вас, барышня, да ребятенков. Анна все...

— Стой, — перебила я, вспомнив, как напомнила мне моя банщица неприятную Татьяну. — Анна родня Татьяне?

— Так... мы ж тут все какая-никакая родня, — удивилась Лука, а я поморщилась — и снова напрасно спросила, да и вряд ли иначе, оттого и отдавали девушек в другие деревни замуж в старые времена, но это те, у кого деревень было много. А мне и моему батюшке, наверное, пришлось кого-то и продавать. — Да Анна баба добрая, хоть и смурная. — Он заулыбался, лицо его разгладилось, во взгляде появилась нежность, которую я никак не могла от него ожидать. — И ребят любит. Хорошая баба. Так вот она все Мурку, корову-то, водит на выпас, а сами знаете, где выпас хорош... Увидит приказчик, кричать будет. Но Анна такая, за своих-то горой. Хорошая она, барышня.

Он говорил жарко, даже рука у него дернулась, словно он хотел ударить себя кулаком в грудь в доказательство своих слов. Я решила, что Анна его жена. Где выпас, чей приказчик и почему он будет кричать — для меня пока что осталось тайной за семью печатями.

— Теперь про заклад скажи.

Лука вдруг ожесточился. Вот только что передо мной стоял добродушный заботливый староста крохотной деревеньки и правая рука хозяйки имения, простоватый мужичок, боявшийся получить плетей за недосмотр и шугающийся

ведьм, и в один миг в его глазах полыхнули такие ярость и ненависть, что я с трудом удержалась, чтобы не вскрикнуть.

— Кабы не ведьмин знак, барышня, — очень отчетливо и злобно произнес Лука, — я бы, да простит меня Премудрейший, поклоны бы ему в храме отбил. Потому как один залог, второй, да и третий барин бы на игры да непотребщину спустил. Кабы не ведьмина сила, решил бы я, что Преблагой то волей своей сотворил — и вас от гибели лютой отвел, и Федота, а кошель по реке пустил. Так уж пускай мы впроголодь, но и барин тоже.

— Ты о моем брате? — уточнила я и тотчас в который раз пожалела о неосторожном замечании, потому что Лука опять воздел руки и с воплем бухнулся на колени.

— Простите дурного, матуш...

— Тихо! — рявкнула я. — Встань, лоб расшибешь, дурак. Лука? — Он посмотрел на меня как на чудо. Может, чудом я и была сегодня в его глазах? — Мы обязательно со всем справимся. Все вместе. Я, ты, Федот, Кузьма, Анна... Все. Ты мне веришь?

Конечно, нет, по взгляду это было понятно. То, что я могла говорить своему начинающему, талантливому, работающему, но уже измученному бесконечными репетициями и чередой неудач подопечному, не доходило до сознания крестьян. Крепостных крестьян. Моей собственности. Мыслили ли эти люди себя вообще людьми?

Да, я спросила, верит ли мне Лука. А могу ли я кому-ни-

будь верить? Ему хотя бы? Анне, Авдотье, Степаниде, Кузьме? Я одна в абсолютно чужом мне мире, и единственное мое преимущество — опыт, закалка, знание поступков людей. Умение делать деньги из воздуха. Твердый характер. Навык зубами грызть стены, если я знаю, что за ними успех.

Я посмотрела на бумаги на столе. Надо заняться ими в первую очередь и куда-нибудь переселиться, потому что бедро мое уже занемело.

— Прикажи ужин подать, — сказала я. Лука так мне ничего на мой последний вопрос не ответил — может, счел, что барышня еще от купания в речке не отошла, а может, поступил проще и списал все на волю Премудрейшего... В этом плане Луке было легче, чем мне. — За урядником послали? Поезжай тогда за деньгами к графу и за доктором послать не забудь.

Лука ушел. Я, охнув, поднялась и пересела на диванчик — пыльный, выцветший, обитый тканью, затрещавшей под моим весом. Бумаги я взяла, придвинулась поближе к низкому столику, предварительно прощупав рукой диванчик — не торчит ли что и отсюда.

Письма. Не то чтобы много, но все деловые. Первый заклад имения — еще при жизни отца. Второй заклад — через три месяца после его смерти: банк перекрыл первый долг и выдал мне деньги, но уже меньше, а проценты назначил конские. Письмо о третьем закладе, и денег всего ничего... Четыре тысячи грошей. Я не могла сказать, много это или

же мало, но, наверное, мизер, если крестьянка стоит сорок... двадцать грошей. Женщина, мужчина должен стоять намного дороже. Но четыре тысячи грошей канули куда-то, будь то ведьминых рук дело или действительно мост не выдержал.

Елизавета, меня зовут Елизавета, прочитала я имя на закладном письме, Елизавета Нелидова. Ни титула, ничего, но чем бы мне мог помочь титул? А еще у меня есть брат, по словам Луки, мот и бабник, но про брата я не могла найти ничего. Вот договор с графом Виктором Александровским об аренде земель — да, Лука прав, себе мы почти ничего не оставили, и понятно почему, но — стоп, к договору должны быть приложены расписки о выплатах, почему их нет и почему Лука ничего не сказал?

Я быстро перебирала бумаги, но расписок не видела. В комнату кто-то вошел, вероятно, Лука, подумала я и не обернулась. Староста был терпелив, если у него ничего не горело.

Я была поглощена расписками и, лишь случайно скосив глаза в сторону, увидела на полу совсем рядом серую тень. Это был никакой не Лука, и пахло от него потом и кровью, и стоял он почти за моей спиной.

Глава 5

— Не признали, барышня?

Не то чтобы я часто читала книги. Не мне, не с моей профессией верить в то, что мне хотят показать. Это ведь режиссер кричал «Верю!», не зритель, а меня убедить в искусственной картинке почти так же сложно, как великого мастера.

Я нечасто читала, но мне попадалось — при виде незнакомого мужчины «похолодела», «мурашки побежали», «не смогла дышать». Вранье, человек — существо социальное, стайное, и если некто не приставляет к твоему горлу нож, никакие «волны опасности» «с головой» не «окапывают». Но человек и существо, вспоминающее когда необходимо древние инстинкты: беги, беги — вот это срабатывает. Что мне и хотелось сделать сейчас, но я сдержалась.

Неприятно? Да. Омерзительно? Да, пожалуй. И пока что не знаешь, чего ожидать от того, от кого за версту несет смертью. Но маньяк и мошенник всегда обаятельней, чем прикурнувший на автобусной остановке бомж.

— Андрей я, али забыли? Батюшка ваш меня в Сосновку продали.

— Почему от тебя пахнет кровью, Андрей? — только и спросила я. И сомневалась, что он мне ответит «потому что я убиваю людей».

— Так ведь я у Павла Юрьевича на скотобойне, — спокойно пояснил Андрей. У меня было чувство, что я его уже видела. Высокий, очень красивый парень. Постой-ка...

— Ты брат Авдотьи и Степаниды? — запоздало осенило меня. — Зачем пришел? Ты не мой человек больше. — Вероятно, раз скотобойня не моя?

Держаться ровно, без тени смущения, без малейшего замешательства. Не потому, что этот парень может что-то понять, да и что он поймет — что я вовсе не прекрасно ему знакомая «барышня»? Потому, что я иначе не узнаю ничего сверх того, что мне скажут. Разговаривать с людьми, не опасаться, что я «что-то забыла». Андрей же отступил на шаг и поклонился, чего я никак от него не ожидала.

— Приказчик наш давеча Анну с коровой на выпасе застал, — негромко проговорил он. Я поморщилась. — Да не в корове, барышня, дело. Что мы, не понимаем? Что мы, звери какие? Не объест наши выпасы ваша-то коровенка... Анна ему и сказала, что Егор сестру мою опять избил.

— Просить за нее пришел? Или за него? — вскинула голову я. Все возможно, чью сторону принял этот парень — не предсказать.

— Я, барышня, человек подневольный, — произнес Андрей еще тише. — Воля женить-продавать — барская. Я, когда меня барин-батюшка продали, совсем отроком был. А после узнал, что Степаниду за Егора отдали, так поздно.

— Помешал бы?

Вопрос мой следовал за вопросом. А пожалуй, батюшка мой почивший совершил ту еще глупость, продав кому-то такого парня. И не в том печаль, что все трое красоты необыкновенной, а в том, что есть в них какая-то неясная сила. В Андрее — еще и физическая, он наверняка стал отменным работником, хотя на вид ему лет восемнадцать. А у меня? А у меня все печально с рабочими руками, и кого мне в том обвинять — покойного отца, который для меня не больше, чем имя на документе?

— Как помешаешь-то, Елизавета Григорьевна? — невестело усмехнулся Андрей. — Защитил бы. Пусть и сам бы в солдаты за то пошел насовсем... Продайте Степаниду.

— Что? — я даже хохотнула. Снова нервы. И неожиданность. — С ума сошел? Кому продать — тебе? У тебя есть деньги? Нет, если они у тебя есть... — Почему бы и нет? Я понятия не имею, может ли один крепостной купить другого, но, может, Андрей получил вольную? Что я в таком случае потеряю, а что получу? Двадцать грошей?..

Я встала, прошла по комнате. От моих шагов поднималась пыль и висела в лучах заходящего солнца. Внезапных предложений в своей жизни я получала немеряно, в том числе и — да, можно и так сказать — о продаже коллеге-продюсеру своего исполнителя, почти как футболиста. Продажа контракта — явление на эстраде мало кому из поклонников известное, но кулуарно распространенное. Но тогда я понимала, что от каждой сделки ждать.

«Я за фантастически короткий срок приняла то, что я рабовладелица», — сказала я себе, чтобы немного отрезвиться, и повернулась. Андрей же должен был раскрыть свою мысль, я кивнула ему повелительно — продолжай.

— Барин сохнет по ней, — без малейшего стеснения объявил Андрей, а я подумала, что он себе это придумал. Или мне придумал, сочтя, что дура-барышня на романтику поведется. — Плохо, барышня, не то, что барин сохнет, а что ей потому отцову магию молва назовет.

Перебор. Я больше так не играю.

Я заставила себя сурово нахмуриться.

— Что плохого в даре Ивана?

— Мать ведь Степаниду в поле родила, барышня.

Я подняла руки, останавливая его. Что-то говорила мне Авдотья... да, ведьма, ведьмы появляются на свет по возможности не дома, но крестьянка, рожавшая в поле — притча во языцех. Сколько раз я слышала — «вот вы, а вот в старые времена!...». В старые времена рожали как придется и где придется не от придури, а по нужде. И ни одна крестьянка бы не отказалась от врачей и эпидуральной анестезии.

Я подняла голову, всмотрелась в коридор: не появится ли Лука, опять презрев мои указания? Но в этот раз староста действительно уехал, и я не слышала ни шагов, ни голосов. Мертвый дом, мертвое имение. Я одна здесь, кажется, живая душа, и та — не из этого мира.

Я махнула на Андрея рукой. Больше всего похоже на акт

отчаяния с его стороны: хоть как, но избавить сестру от мужа-зверя. А мой акт отчаяния — избегание?

— Еще ты будешь сватовство барина улаживать. — Здесь вообще в порядке вещей жениться на крепостных или барин решил поразвлечься? А дети? Какой статус здесь у детей от крепостной? — Пусть сам приезжает, тогда обсудим. И про всякие байки забудь, или отцу Петру скажу.

Мне пригодились причитания Луки. Я повернулась к своему столу, к Андрею спиной, села, усиленно делая вид, что решение мое окончательное. Я все равно не знала ни мотивов Андрея, ни настоящих страхов Авдотьи, ни желания — искреннего, как мне казалось — Степаниды вернуться к мужу. Много тайн. Проблема в том, что лишь для меня одной это — тайны.

Ушел Андрей громче, чем появился. Удаляющиеся шаги его я расслышала, как и полусшепот-полуугрозу:

— Не пожалейте только о сем, барышня.

Какой смысл орать, рвать на себе платье и волосы, рыдать и вопрошать — за что? Почему я в доли секунды лишилась всего, что мне было важно, чем я дорожила, что хотела сбегать, и оказалась черт знает где в разоренном имении, без денег, без каких-либо перспектив, и вместо того, чтобы думать, что делать со всем этим, как выживать, должна заниматься охотой на ведьм? Мироздание или кто там, кто решил зашвырнуть меня в это тело, было навеселе? Для меня ведьмы и магия были забавной строчкой в «Классификаторе

видов экономической деятельности»...

— Ужин где? — рявкнула я, подлетев к двери, и от моего крика зашатались стены и содрогнулась сыра-земля.

Почти сразу раздались шаркающие шаги, и в конце коридора возникла Анна.

— Чуток погодите еще, матушка. Скоро будет.

Голос ее был спокойный, и мне стало немного легче. Я жестом остановила ее и подошла. Анна поклонилась, я потянула носом — там кухня. Мне нужно туда сходить. Что-то там есть нам сегодня и завтра?

— Покажи мне, что за запасы у нас, — велела я. — Лука говорил, с трудом перезимовали.

Не дожидаясь, пока Анна что-то начнет объяснять, я прошла в кухню и убедилась, что в некотором отношении понятие «голод» у барских крестьян и моих современников отличалось. Нет, здесь ничего не ломилось от разносолов и по углам не тухли не востребованные осетры, но мышам было раздолье. Вопреки моим представлениям о хранении продуктов в эти времена, запасы лежали прямо на кухне, а может, в этом мире были другие обычаи или четырехлапые любители поживиться похитрее наших, или еще какие-то причины.

— Это что... все запасы? — спросила я растерянно, оглядывая небольшие бочонки, казалось, с крупами, однозначно — бочонок с медом, я не могла ошибиться, это именно медовый потек застыл на крутом потемневшем боку, сложенные в углу стопкой овощи... Кабачки на вид, но темно-красные.

— Помилуйте, барышня, это Кузьма сегодня из амбара принес, — ответила Анна не менее потерянно. Да, еще один мой глупый вопрос, и, увы, не последний.

— Откуда это все? У нас нет денег, Анна! Откуда столько еды?

— Так вы приказали, барышня, — почти прошептала Анна, побледнев. — Как его сиятельство денег дал, вы же сами Луку в село послали... Что зимой померзло, что мышь поела, так мы доели, а вы...

Я предпочла бы это просто не слышать.

— А что в кухне было, так вы сами приказали свиньям выкинуть...

Премудрейший, почему ты настолько несправедлив и не даешь часть своей мудрости своим детям?..

— Вот что, Анна... — Я с трудом собралась с мыслями. — Здесь довольно еды нам — и мне, и вам всем. Никто не будет больше есть ничего испорченного, и вот это вот что? Мой ужин? — я указала на два источавших умопомрачительные ароматы горшка. Доходили они не в печи, а на своеобразной плите: большой кирпичный короб, обмазанный известью, накрытый сверху толстой металлической пластиной. Где-то там горели дрова — жар я ощущала и от пластины, и откуда-то сбоку. — Это много для меня одной, хватит всем. — Я подумала: нет, на пятнадцать человек мало. — Хотя бы мужчинам, детям и Степаниде. И женщины пусть едят хорошо.

Идиотка. Эта барышня идиотка. Недалеко ушла от своего разгульного братца.

Я быстро вышла, в который раз услышав вслед: «И впрямь умом тронулась». Черт с ним, со мнением обо мне крестьян. Сколько еще успела растратить эта безголовая деваха? На что? На тряпки? На экипаж? На балы?

Я выбежала во двор. Покрутила головой в поисках амбара — вон он, притаился среди деревьев, явно ведь плодоносных когда-то. Огромный сад, запущенный, поредевший, но некогда дивный, сколько здесь было — уже неважно чего. Весна, и надо садом как можно скорее заняться.

По высохшим пыльным дорожкам, по камням, попадавшим мне под ноги, я дошла до амбара и дернула дверь. На меня пахло сыростью, затхлостью, гниением... Нет, очень быстрый осмотр показал, что это старые запахи, но пройдет немного времени, и все, что здесь лежит, будет так же безнадежно испорчено. Дура, дура! И крестьяне не смели ей возразить, и какой-то ушлый купчина продал дурехе то, что еще не подготовлено было к длительному хранению или вовсе ему не подлежало. А может, я зря клеветала на купца, откуда ему было знать, что это все не на пир горой, а на год, потому что не предвидится больше денег практически никаких...

Я была готова завывать, но и это ничего бы не изменило.

Солнце заходило, окрашивало в алый цвет облака, и на востоке на небо набегали темные тучи. Будет дождь, подумала я, а Степанида хотела искать кошель при луне. Был ко-

шель или не был? Вечер падал на мою неприкаянную вотчину, запахло стоячей водой, робко прокашлялась невидимая первая лягушка. Подобрав юбку, я кинулась обратно на кухню, где Анна, все еще не отошедшая от моих слов, собирала мне ужин.

— Этого много! — с порога сказала я. Напугала ее? Неважно. Ни один человек не в состоянии столько съесть. — Хватит... этого, — я подошла и отставила в сторону небольшой котелок с — по виду — рагу. — Остальное раздели на всех, но сперва собери всех, и пусть перенесут все из амбара в сухое место. И не кучей все припасы сваливайте, должен быть воздух. Ну? — прикрикнула я, потому что Анна столбом замерла. — Как себе запасы хранишь, так, что ли?..

Анна мелко-мелко затрясла головой. Мне показалось, она ожидала удара.

— Вот как себе и мне сделай!

— Так... в какое место-то, матушка? — проскрипела она. — Поди, кроме старых барских комнат...

— Значит, в старые комнаты! В сухие! Кузьму кликни, — какая-то память вовремя подсказала мне, что он должен знать, как верно хранить продукты. — Я выдохнула, меня трясло, и я очень старалась не подавать виду. Я, я, я прежняя виновата в том, что здесь происходит, не меньше. Может быть, после смерти отца я еще могла что-то исправить, дать братцу от ворот поворот или, возможно, продать крестьян да хоть незнакомому мне Павлу Юрьевичу, который жизни не

видел без Степаниды...

— Скажи-ка мне, Павел Юрьевич что, часто сюда заглядывает? На Степаниду засматривается? — спросила я. — Откуда слух, что он ее выкупить хочет себе на утеху?

Анна, теперь пытавшаяся что-то сотворить из уже собранного для меня ужина согласно моим приказаниям «поменьше», вздрогнула и выронила горшок. Он громко ударился о деревянный стол, расплескав горячую жижy, так, что Анна едва успела прикрыть руки грязной прихваткой.

— Помилуйте, барышня. Какой Павел Юрьевич, — проговорила она, застыв истуканом над столом, — когда Степанида от нашего барина прошлый год понесла?..

Глава 6

Хватит, хватит с меня загадок.

Бедная Анна забилась в угол, пока я, наплевав на все существующие приличия, традиции и обычаи, быстро ела рагу, наклонившись над столом. Было горячо, я давилась и морщилась, но — вкусно, вкусно, черт побери, и хлеб был воистину хлебом, а не резиной, напичканной для удорожания злаками. Я полагала, что мне кусок не полезет в горло — как бы не так, свежий воздух, молодое тело, если бы еще я проявила хоть какие манеры, потому что так, как я, не ели благовоспитанные барышни.

Но мне было плевать.

За окном резко стемнело, я покосилась — но нет, это не вечер, просто будет гроза. Значит, Лука вернется в ближайшие минут двадцать или не вернется сегодня совсем. Как вариант, на который я бы не очень рассчитывала, он окажется в усадьбе поздно, весь вымокший и продрогший, и вряд ли будет способен внятно ответить мне на вопросы.

— Отец Петр ох ругался, да простит меня Преподобнейшая за хулу, — бормотала меж тем Анна, глядя на меня исподлобья. — Мол, наше дело землю пахать, а не в барские спальни носы совать.

Я сдвинула брови, утерла некрасиво свисавшую из рта капусту или что-то на нее похожее. По крайней мере, на вкус.

— Так, может, прав отец Петр? — я придала голосу заведомую резкость. Нет, мне было без разницы, с кем замужняя женщина изменяла мужу и от кого она понесла. Сплетни — куда большее зло, и если бы не досужие языки, не зависть, не домыслы, не любопытство, не желание людей покопаться в чьем-то — не всегда и грязном! — белье, не творилось бы многое из того, что твориться и не должно, ни в моем прежнем мире, ни в этом.

У Степаниды могли быть сотни причин искать утешение на стороне. Я не сомневалась, что брак ее с Егором был выгоден исключительно барину — по словам Андрея, Степаниду за Егора отдали и не спросили ее мнения на этот счет. Неудивительно, если вспомнить, что мой отец при устройстве браков между крестьянами мог ориентироваться только на отсутствие между будущими супругами родства. Агрессия мужа, какие-то недостатки, мешавшие ему в отношениях с ней, невозможность развода — если развод здесь существовал, то лишь для таких как я, не для собственности помещика. Степанида могла знать о каких-то наследственных пороках Егора, могла совершенно сознательно планировать родить дитя от любого другого мужчины — вплоть до того, что, вероятно, ее ребенок родился бы свободным. Она могла влюбиться в моего брата! Каким он был?

Я швырнула ложку на стол. Все, что Степанида делала по собственной воле, я допускала и была до конца намерена отстаивать ее право на это. Пусть мой брат отнесся к связи с

ней даже не как к интрижке — как к визиту в разгульный дом.

Но не в случае, если ее к чему-то принудили. Не в случае избиения — какой бы повод Степанида ни дала. Гулящая ли она, изменница, ведьма — последнее вряд ли, — я была настолько разъярена, что появившись передо мной сейчас злополучный Егор, и я бы дала фору печально известной всем Салтычихе...

— Откуда сплетни, что Степанида от барина понесла? — рывкнула я. Анна обстоятельно отерла руки тряпкой, опустила их, вздохнула, приготовилась отвечать. Я поняла, что к пощечинам она приготовилась тоже.

— Ясно же, барышня, — сказала она таким тоном, словно и в самом деле в ее голову ни разу не приходили сомнения. — Как барин приехали, так она пошла в тяжесть.

Я проглотила тысячи просившихся на язык оскорблений.

— Дура-баба! У нее муж есть!

— Вы, матушка, девица невинная, — хлопая глазами, объявила Анна. У нее появился шанс взглянуть на меня как на дитя неразумное — что она тут же и сделала. — Вам такие страсти-то, ясно, неведомы. Муж-то муж, а что же она столько лет пустая ходила?

Бесполезно было и спрашивать, видел ли кто-нибудь вместе Степаниду и моего брата.

— А зачем ты приказчику соседскому сказала, что Егор Степаниду бьет?

— Так жалко же, барышня.

Я покачала головой. Не думать, что у этих людей своя логика, иначе я просто сойду с ума. Принимать все как данность.

— Хоть оно, барышня, и за дело...

«Хорошая она баба», — уверял меня Лука. Сколько бед в мире от хороших людей — не счесть. Анна и не подумала, как могли повернуться ее слова, если бы Андрей встретил обидчика сестры, если бы — да, может, все еще впереди — эти жалобы дошли до Егора, и да, Андрей ни слова мне не сказал про возможную связь сестры с барином, впрочем, ему об этом неоткуда было знать...

— Еще раз узнаю, что сплетни разносишь, велю высечь и отцу Петру скажу! — пригрозила я.

В местных религиозных книгах обязательно должно быть что-то про грех. И если в них как следует покопаться, то притчу или стих про злые языки я найду обязательно. Пока же я вернулась в комнату, где оставила бумаги, убедилась, что ничего не пропало, отнесла их к себе в спальню и, так как стемнело уже совсем, зажгла свечу.

Кресало я брала в руки с опаской, но оказалось, работает оно не сложнее плохой зажигалки. Теплый огонек задрожал, бросая вызов блеснувшей за окном молнии, а раскат, раздавшийся следом, был как грохот могильной плиты, упавшей на мои чаяния и надежды.

Из-за грозы и своих расспросов я упустила возможность

переноса припасов в дом, и сейчас, глядя на то, как первые капли падают на стекло, я подумала — если в амбаре дырявая крыша?.. Да, зимой она могла быть еще хоть сколько-то цела, а что нас ждет завтра?

Я убрала бумаги в бюро и пошла осматривать дом.

Шум ливня снаружи, шелест листвы, потревоженной сильным ветром, гром скрадывали мои шаги. А половицы подо мной скрипели, наверное. Пусто, пусто, пусто... и стекло нет, комнат пять я насчитала в полном упадке и порадовалась: достаточно сухо, здесь можно временно разместить продуктовый склад. Мышей в доме я не заметила. Это было крыло, в котором никто не жил; потом я наткнулась на бывший кабинет и в предвкушении туда влетела, но — единственный лист бумаги, и на том пером начеркана кривоватая голова лошади. Пустой книжный шкаф, поеденное кресло — все же мыши? — половина окна заколочена, а тут стоял когда-то кабинетный рояль... Я не поленилась заглянуть и за шкаф, но и там меня ждало разочарование. Ни единой записки, бумажки, заметки, даже книги — и то ни одной.

Где-то же должен был жить мой брат, подумала я. Он приезжал сюда, где его комната?

Если бы не платье, я на секунду допустила бы мысль, что все мне привиделось, ничего нет — ни помещицы Елизаветы Нелидовой, ни ее крепостных крестьян, у которых страсти кипят похлеще, чем в самом закрученном сериале, ни ведьм, ни загадочного кошелья, ни долгов. Просто я, Вероника Мар-

келова, бреду по очередной классной «заброшке», прикидывая, как в антураж впишется мой исполнитель с новым клипом, будущим хитом. И свеча у меня в руке потому, что так легче проникнуться духом эпохи...

Свет свечи, а то и отблеск молнии, выхватывали мрачные лица с картин. Вот чего было в избытке — портретов. Род Нелидовых древний, знатный, некогда очень богатый, и вот все, что осталось от бывшего величия.

Возле одного портрета я задержалась.

Молодая женщина в платье совсем иного покроя, чем мое, портрету было лет сто, не меньше. Но не женщина или платье привлекли мое внимание, а медальон, который лежал у женщины на коленях. Художники тех веков приукрашивали фигуры и лица, и теперь мы наивно убеждены, что в прошлом все были сплошь красавицы и красавцы, — но одно дело лица, другое — вещь.

Заинтриговало сияние. Золото так не блестит, драгоценные камни тоже, и я бы еще поняла, если бы на картине был какой-то источник света, заставлявший металл и камни переливаться. Но нет, сияние было словно само по себе... Будто магия.

Мне на пальцы капнул горячий воск, и я, вздохнув, пошла дальше. Последняя из комнат оказалась бывшей барской спальней: две узкие кровати и покрытое слоем пыли бюро. Я без особой надежды выдвинула рассохшийся ящик — разочарование было даже не велико. Ничего я не рассчи-

тивала там увидеть.

Крестьяне ложились спать с наступлением темноты. Храп Кузьмы я слышала сквозь шум ливня. Конюх — он же конюх? — спал прямо на лавке, не раздеваясь, и с его брошенной на пол жилетки натекала вода: он попал под дождь. Где-то в этом крыле были комнаты слуг, туда я и шла поговорить с Авдотьей и Степанидой.

С чего-то надо начать. Завтра вернется Лука, объеду с ним всю свою территорию. Ту, которую я сдала, и ту, которая у меня еще оставалась. Посмотрим, что есть из еды, часть продадим, иначе она все равно испортится. Прикажу провести полную ревизию имущества от простыней до сохи. Проверю, где и как содержится скот. Мне бы только немного знаний! Что там любят повторять несмышленные школьники — «зачем мне эта биология, я стану композитором»? Самоуверенность... Не бывает ненужных знаний.

Дверь комнаты, в которой спали Авдотья и Степанида, была не заперта. Она не закрывалась — застопорилась на полпути, и я не рискнула ее дергать, лишь просунула в щель голову. Лука должен был привезти доктора, но поехал ли доктор в такую пору или отвесил моему старосте тумака и прогнал взашей? Да и ездят ли доктора к крепостным, а Лука просто не стал мне возражать?

Женщины спокойно спали вдвоем на одной кровати, одетые, под шум дождя и разошедшейся не на шутку грозы. Я подумала, как же странно, у людей столь разнятся понятия о

главном — добре и зле; и еще: как вяжется то, что мне рассказали о Степаниде, и то, что она просила не забирать ее у мужа?

Чувство вины? Бьет, значит, любит? Ничего нового вроде бы, и все же: тут тоже что-то не так.

Еще долго я сидела в своей комнате, уже раздетая, в стареньком халатике не по размеру. Может быть, с чужого плеча. Может, когда-то его носила моя покойная мать. Или богатая родственница скинула — держи, убоже. Я просматривала договоры, выписывала старой испорченной серебряной ручкой-пером корявые цифры, пыталась что-то понять до тех пор, пока свеча не принялась трещать, оплавившись, а мои глаза не начали слипаться.

Кровать была узкая, мягкая, в матрасе шуршала солома. Вот как спят барышни из старых времен — укрывшись истрепанным одеялом, на комковатых подушках, зато их много...

Я проснулась от странного ощущения — будто что-то толкнуло меня, причинив сильную боль, и тут же пропало. И, к собственному удивлению, я испытала не изумление — где я, что я, — а ужас до слез на глазах. Гроза погромыхивала вдалеке, ливень все еще шел, ветер постукивал веткой в мое окно.

А потом боль пришла снова, и я, потеряв дыхание, даже не смогла закричать. Живот словно резало наживую — полоснуло и бросило, через какое-то время — опять, и у меня

наступил уже не страх — паралич.

Эта боль была мне знакома. Я испытывала ее — там, где-то, когда-то.

Там, где меня от этой боли могли спасти. Там были хирургия, асептика, скорая помощь.

Здесь я была обречена.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.